

Владислав Ходасевич

Сб. Т<оварищес>тва "Знание". книга 7

СПб. 1905. 1 р.

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

OCR Бычков М. Н.

В каждой книжке "Знания", кроме, кажется, четвертой и шестой, среди однообразно серой массы, есть по одному интересному произведению. То же и с седьмой книгой. Здесь -- "Дети солнца", новая драма Максима Горького, и рядом рассказы Скитальца, Кипена, стихи Бунина и др., -- ничего не значащие, ничего не говорящие страницы скучных стихов и дряблой прозы.

Но зато драма Горького -- истинно примечательна. В ней хочется отметить уже некоторый поворот в творчестве Горького, поворот значительный и ценный. Давно ли Горький обращался к нам с формулами о всемогуществе "Человека", такими наивно-скучными? Давно ли проповедовал "полеты в небо", прочь от земли, от земных страдавших душ? Наконец, давно ли он смешивал мещан с изнуренными? Но вот теперь в новой пьесе слышатся уже иные слова, видится приближение к жизни.

Горький раньше знал только отвлеченных людей, если так можно сказать -- беспочвенных. Теперь он поселил их на земле. Протасов, Елена, Вагин -- ведь это прежние Сатины, такие свободные и могучие вне нашей атмосферы. Но здесь, на земле, темной, тяжелой, всевластной, где взрыхленные поля залиты потом и кровью, где так больно живется на острых, окровавленных ребрах городских камней, они стали бледными, вялыми, хилыми. Не неприспособленность к жизни виновата здесь, но отчужденность от нее. Насмешка в их словах: "Мы -- дети солнца". Горький увидел уже с ясностью, что "человеки", низведенные на землю, еще слабее "бедных детей земли", слабее потому, что они лишены всякой способности к активному утверждению своей личности. Сойдя на землю вместе с новоприбывшими "детьми солнца", Горький встретил ее аборигенов, живых людей, пусть истомленных, но, как Антей, близких матери -- Гее. Эта встреча была для него благотворной. Он полюбил новых знакомцев, полюбил, быть может, за муки, но еще больше за то, что нашел у дряхлых детей земли ту изумительную чуткость душ, которой нет и не было у солнечных младенцев. Горький сжился с людьми, и его собственная душа восприняла их тонченность, извечно накоплавшуюся из мировых вихрей, созданную веками земных переживаний.

Теперь для Горького открылись бездны человеческого духа, где все миры объединены в одной тайне. Он слышал уже шелест черных крыльев в Лизиней душе, увидел жизнь прекрасною, ибо сорвал с ее тела мишурные одежды, в которые рядили ее его прежние герои. Теперь Горький сознал, что жизнь не такова, какой изобразит ее Вагин в своей картине, что только Лиза видит ее истинные пути...

Чепурной, обладатель жизненной правды, наклоняется к темным безднам Лизиней души, тонкой и глубинной, и видит жизнь и любит Лизу -- за правду. Это -- знаменательно. И рядом -- простая, несложная душа Меланьи повергает ее на колена перед Павлом. "Святой человек, спаси рабу!" Она тоже страдает, ждет от него спасенья, но ждет, как чуда, и это смутное чувство отчужденности заставляет ее, земную, обращаться к нему не как к человеку, не как к равному. Но по простоте своей она думает, что если он не наш, не родной брат нам по духу, если и он, и его книжки ей непонятны, то он больше ее, что он -- не человек, но выше человека. Не понимает еще Меланья, что он -- и не Бог.

И когда в грохоте погрома, в смерти Чепурного, Жизнь обрушивается на "детей солнца", -- она приходит такой, какой знала ее Лиза, приходит с беспощадностью правды. Теперь Лиза уже совершенно теряет затемненный разум будней, порывается последняя связь, роднившая ее с детьми солнца. Вся она -- уже просветленная, свободная, отдавшаяся лишь душе, уже раньше так мощно бившейся в ней.

Пусть облики Лизы, Чепурного вышли несколько упрощенными, пусть даже чувствуется в них грубость первобытного творчества, радостно то, что даже Горький, после своих прежних слов, сумел